

ГОМЕЛЬ. ИСТОРИЯ ГЕНОЦИДА

«Немецко-фашистские захватчики за период оккупации Гомеля уничтожили до 140 000 советских граждан, в том числе до 30 000 местных жителей и не менее 100 000 советских военнопленных», – было отмечено в акте Гомельской городской комиссии ЧГК о преступлениях, совершённых немецкими оккупантами. Работал настоящий конвейер смерти. И это длилось два года и три месяца. В апреле 2021 года Генеральная прокуратура приняла решение о возбуждении уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. В нашем новом проекте «Гомель. История геноцида», основываясь на документах, предоставленных прокуратурой города Гомеля, мы расскажем, как это было.

Утоляли жажду, соскабливая иней

В сентябре 1941 года в окаймлении улиц Советской, Тельмана, Портовой командованием немецко-фашистских войск был организован лагерь для советских военнопленных, который назывался «Центральный пересыльный лагерь военнопленных № 121». Дулаг-121 просуществовал до 10 октября 1943 года.

– Этап военнопленных, с которым я прибыл из города Карачева в гомельский лагерь, состоял из эшелона товарных вагонов, – вспоминал бывший узник Бердичевский. – В каждом вагоне было 80–90 человек. Двое суток наглухо закрытые вагоны ни разу не открывались, ни разу не выдавалась пища и вода. Люди утоляли жажду, соскабливая иней, скопившийся на досках вагона от дыхания массы людей. По прибытии эшелона в Гомель пленным приказали выходить. Всех, кто не мог идти, немцы-конвойные тут же пристреливали из винтовок на глазах у

проходящей колонны. При перевозке погибло не менее 100 человек и было застрелено конвоирами до 200 человек.

– Мне лично приходилось видеть, что из каждого эшелона выгружали по несколько сот уже мёртвых пленных, – рассказывал гомельчанин Ливанский.

– Советские военнопленные врачи говорили, что из Брянска в ноябре 1941 года шёл эшелон с военнопленными в количестве 400–500 человек. Все они несколько дней были голодными, а в эшелоне им дали вместо хлеба немолотой гречихи, от которой у пленных образовались резкие боли желудка, и все они умерли. На железнодорожный вокзал Гомеля привозили тысячи военнопленных, многие из них погибли в пути.

Ели баланду с керосином

Лагерь был организован в конюшнях одного из кавалерийских полков, дислоцировавшегося до войны в Гомеле. В помещениях отсутствовали не только нары, но не было и потолка.

– В конюшнях находилось около 60 тысяч человек. Помещения были слишком переполнены. Конюшни не отапливались, без пола и окон, и люди валялись в грязи, – вспоминал бывший узник Шумский.

– Большая часть военнопленных находилась под открытым небом, поэтому с первыми холодами они начали замерзать. – В лагере царила антисанитария, – рассказывал узник Фирсов, – в баню не водили, белья не давали. Пленные ходили в почерневшем от грязи и полуистлевшем белье, на ногах – рваная обувь, а некоторые ходили босиком. Воды не получали ни для питья, ни для умывания. Вшивость от тесноты и грязи была общей... Очевидец немецких злодеяний Быковский рассказал следующее:

– В ноябре 1941 года напротив

аэродрома я видел сопровождаемую немцами колонну военнопленных, которые, будучи истощёнными и голодными, окружили машину с сырой капустой и разобрали её, чтобы покушать. Около машины упали от истощения и голода, придавленные толпой, человек 50 военнопленных, которых немцы из автоматов пристрелили. А вот что сообщал о питании военнопленный Прошин:

– В день выдавался суп «баланда» из отрубей и мёрзлой картошки, смешанной с керосином без соли. Хлеба совсем не давали. В результате голодания и нечеловеческих условий существования военнопленные совершенно теряли человеческий облик. Наступало психическое отупение, безразличие ко всему, кроме пищи. Всё подавляющий инстинкт голода превращал людей в человекообразных существ. Впечатление от этой продуманной фашистами системы планомерного уничтожения было тяжёлое.

– Доведённые палачами до состояния человекоподобных существ узники шли на всё ради сохранения своей жизни. Они употребляли в пищу мясо погибших соотечественников, – откровенно рассказывал военнопленный Якушев. – Я сам лично видел, как у мёртвых вырезали заднее место, варили в котле, а затем употребляли в пищу. Люди ели всё, что попадало под руку, и доходило дело до того, что они стали вырезать у трупов мягкие места и есть. Со временем немцы стали выдавать по 150–200 граммов эрзац-хлеба, выпеченного из ячменных отрубей, гречневой шелухи или желудей, но и это делали не каждый день. Во дворе Дулага-121. Так зимой 1941 года в лагере перемещали убитых военнопленных.

«Подождите, я ещё не скончался!»

Гомельский лагерь № 121 назывался центральным пересыльным. Палачи не ошиблись, он действительно являлся таковым, но единственным пунктом, куда пересылались из лагеря военнопленные, была могила.

– Созданный немецкими палачами режим привёл к тому, что ежедневно в лагере умирало до 1000 человек. В январе 1942 года смертность резко увеличилась. Умерших было так много, что из них стали образовываться горы трупов, – свидетельствовал военнопленный Пашкевич. Массовая смертность советских людей не удовлетворяла садистских страстей гитлеровцев.

– По двору ходили измученные и истощённые люди, – вспоминала гомельчанка Трестинская. – Бесчисленное количество трупов валялось под их ногами. Около забора фашисты закапывали в землю ещё живого пленного. Увидев это, я подбежала к немцам и, умоляя, начала просить: «Пан, он ещё живой, отдайте мне, я его заберу и дам ему поесть». Немецкий бандит ничего мне не ответил, а только нанёс удар прикладом в грудь так, что я после этого лежала три дня в постели.

– Зимой 1941 года по приказанию немецкого офицера пленные вытаскивали умерших товарищей на пустырь, – рассказывала заключённая Галимская. – В кучу умерших немец тащил одного военнопленного, который был ещё жив и кричал: «Подождите, я ещё не скончался!» Однако немец не обращал на это ни малейшего внимания и бросил живого в кучу трупов. Так как этот товарищ был совершенно бессилён, то выбраться из массы трупов не мог и так скончался.

– В лагере мёртвых пленных были целые скирды, и мы не успеваем их возить. Тех из военнопленных, которые не подавали признаков жизни, раздевали наголо и, хотя они ещё были

живы, вытаскивали из бараков и бросали на груды трупов. Немцы говорили, что «в таком состоянии они плотнее ложатся...» – вспоминал узник Ливанский.

На зависть инквизиторам

Инквизиторы средневековья могли бы позавидовать фашистскому опыту истребления и истязаний безвинных жертв.

– Многие из военнопленных были до такой степени истощены и измучены, что не в состоянии были выйти по естественным надобностям – оправлялись под себя. Как только об этом узнавали полицейские и немцы, «виновника» привязывали к столбу, а к лицу подвешивали банку с его испражнениями. Так он должен был простоять 12 часов, а иногда и больше. Причём полицейские наносили удары палкой, резиновой плёткой или же проволокой. Многие и без того потерявшие всякие силы не выдерживали и умирали, – делился свидетель немецких зверств Шумский. – Розен (комендант лагеря) избивал резиновой палкой и даже наносил ножевые ранения пленным лишь только за то, что они его не приветствовали. А от плохой пищи среди военнопленных началась эпидемия дизентерии. Придя в уборную, люди не могли оправиться и от боли в животе начинали кричать. Тогда немцы открывали огонь из пулемётов и убивали всех, находившихся в уборной. Я два раза лично ото видел.

Проклятые выродки человечества – фашистские палачи – издевались не только над живыми советскими гражданами, они глумились и над их трупами.

– Трупы военнопленных сбрасывались в ров позади тюрьмы на территории лагеря, – рассказывал пострадавший от рук фашистов Голышенко. – Человеческие

испражнения из уборных вывозились в тот же ров и выливались на тела замученных.

А вот что сообщал свидетель фашистских зверств Шумский:

– Немецкий офицер с русским комендантом лагеря Кардаковым увидели, что один из военнопленных оправился около забора. Выполняя волю коменданта, полицейский до пояса раздел несчастного, привязал его к столбу и начал избивать палкой. Я насчитал 35 ударов, которые полицейский нанёс по обнажённому телу человека. Измученный повис на поясе, которым был привязан к столбу. Этого военнопленного забили до смерти... Таковы были ужасы немецкого плена. Редким счастливым удалось пройти до конца через фашистский лабиринт смерти и сохранить жизнь...

Марафон смерти

Продолжительность рабочего дня в гомельском лагере для советских военнопленных Дулаг-121 составляла от 12 до 15 часов. Бойцов и командиров РККА использовали не только на погрузке боеприпасов, рытье противотанковых рвов, их впрягали по 10-15 человек в повозки, чтобы перевозить кирпич и дрова.

– Многие не выдерживали и падали, не в состоянии двигаться дальше. Таких людей немецкие конвоиры убивали на месте. Были случаи, когда из колонны идущих к месту работ немцы убивали по 15-20 человек, – вспоминал бывший узник Якушев.

Гитлеровские палачи отбирали физически крепких советских граждан и отправляли на тяжёлые работы в Германию. Для этого они устраивали смертельный «марафон».

– В начале декабря 1941 года из лагеря выпускали русских военнопленных и заставляли бежать по улице Тельмана через Советскую до

Кирова. Более 200 слабых и истощённых голодом человек упали. Всех их немцы пристреливали в голову, – рассказывал бывший узник Быковский.

Истязая и мучая голодом военнопленных, фашистские головорезы запрещали гражданскому населению оказывать своим несчастным братьям какую-либо помощь.

– Получивших еду узников немцы избивали прикладами и палками. Били и мирных жителей, передававших продукты, – вспоминала гомельчанка Крупник. – Один раз пленные красноармейцы из лагеря перекинули бумажку, прикреплённую к камню. Женщина, поднявшая её, была расстреляна на месте.

– Придя к воротам лагеря, я увидела, как немецкие солдаты вели раненого советского командира, – рассказывала горожанка Евдокия Корнеевич. – Когда он упал, фашисты избили его прикладами так, что он не смог подняться. Пленника бросили на повозку и повезли. Стоявшая неподалёку старушка подошла к повозке и хотела передать офицеру яблоко и кусочек хлеба. Тот с жадностью протянул руку, но гитлеровец сильно ударил его по руке прикладом и грубо оттолкнул старушку.

Печи «спортивного» лагеря

Около 75 тысяч военнопленных (трупы лежали в пять–шесть рядов) фашисты захоронили во рву бывшего тира, располагавшегося на территории лагеря. Его длина составляла 125 метров, ширина 25 при средней глубине три метра. Советские военнопленные сбрасывают трупы в ров бывшего тира, располагавшегося на территории лагеря Дулаг-121. 1941–1943 годы. Закапывали замученных людей также в специальных ямах, образовавшихся после взрыва грунта (также на

территории лагеря). От 18 до 20 тысяч человек было погребено в 142-метровом противотанковом рву, находящемся около клинкерного завода (этот ров сейчас пересекает улицу Троллейбусную и проходит под Братской могилой советских воинов и военнопленных). Массово хоронили замученных людей и в 35-метровом противотанковом рву на 201-м километре железнодорожной линии Гомель-Жлобин и в ямах около элеватора.

– Первое время немецкое командование никакой пищи военнопленным не давало, вследствие чего ежедневно умирало с голоду 800-900 человек, – вспоминала гомельчанка Евдокия Котова. – Каждое утро выезжали по несколько десятков подвод с мёртвыми телами. Их нагружали как дрова, один на одного, и накрывали брезентом. Часто из-под брезента виднелись отдельные части человеческих тел. В связи с тем, что смертность военнопленных не сокращалась, трупы стали вывозить на автомашинах на 9-й километр Новобелицы.

– В январе 1942 года умерших было так много, что из них стали образовываться горы трупов, – делился выживший узник Якушев. – Когда вся площадь около лагеря была изрыта ямами, немцы стали сжигать трупы в четырёх печах, которые были установлены за лагерем на территории клинкерного завода. Они работали круглые сутки.

Одна такая печь была рассчитана на уничтожение 25 тысяч человек. Рядом с печами, обнаруженными в 1970-м году, была найдена чугунная вывеска с орлом, свастикой и словами из готических букв на немецком языке, которые в переводе значили «спортивно-трудовой оздоровительный лагерь».

Благотворительность по-фашистски

– Немецко-фашистские изверги, играя на патриотических чувствах советского населения, готового последними запасами пищи поделиться с военнопленными, издали воззвание к населению Гомеля и окружающих деревень с призывом помогать узникам, – рассказывала гомельчанка Евдокия Корнеевич. – Советские граждане на него откликнулись и начали собирать продукты и одежду. Но впоследствии выяснилось, что продукты и одежда были поделены между немецкими солдатами. А в августе 1942 года я видела проходившую по Ветреной улице (ныне Гагарина) тёмно-серую грузовую автомашину с закрытым кузовом. Я спросила у проходившего мимо гражданина, что ото за автомобиль. Он мне ответил, что в этом грузовике людей отравляют газами.

Очевидцы вспоминали и то, как в январе 1942 года в Гомель прибыл железнодорожный эшелон из Брянска с советскими военнопленными. Их высадили на сортировочной станции, а оттуда этапом сопровождали в лагерь. Всего было около 500-600 человек. По дороге в Дулаг-121 шесть узников отошли от общей колонны на два метра. В этот момент к ним подбежали два немца и стали их избивать. Когда пленные упали на землю, немцы разбили им прикладами черепа так, что наружу вышли мозги. На месте жестокой расправы тела убитых пролежали четыре дня.

Это место не «гут»

– Закоченевшие в сидячем положении, с согнутыми в локтях руками трупы пленных из машин сбрасывали вилами в противотанковый ров по правую сторону шоссе на дороге около кирпичного завода, – вспоминал

обходчик железной дороги Павел Ливанский, который проживал в сторожевой будке на 201-м километре железной дороги Гомель-Жлобин (ныне там на пересечении улиц Советская и Ефремова находится Братская могила советских военнопленных и мирных жителей). – В беспорядочном положении замученные люди лежали семь дней, не прикрытые землёй. Над ними ежедневно кружились стаи ворон, выклёвывавая глаза и все поддающиеся клюву части тел, которые растаскивали и бродячие собаки. После того как, со слов немцев, было привезено 2500 трупов, ров был немного засыпан землёй, но тела мёртвых были видны и оставались в таком состоянии, пока их не засыпало снегом. И лишь в мае 1942 года ров зарыли.

Случалось, в момент сбрасывания трупов в ров на перекладном мосту через линию железной дороги собирались мирные граждане.

– Немцы открывали огонь из винтовок и разгоняли плачущих женщин, стариков и детей, которые всматривались в трупы, ища родных и знакомых, – вспоминал Павел Ливанский. – Один из немцев зашёл ко мне в дом и рассказал, что это место не «гут», здесь много гражданских, которые всё видят и не дают спокойно работать. Поэтому трупы будут возить в другое место, где никто ничего не увидит. «Экскурсия» для палачей. Далее обходчик железнодорожных путей вспоминал, как с ноября 1941-го по апрель 1942 года немецкие офицеры и солдаты целыми толпами собирались у рва, где сваливали трупы пленных, поднимали смех и ради продления своего удовольствия фотографировали изуродованных побоями, истощённых и измученных невыносимыми для человека условиями лагерной жизни тела советских военнопленных. – Такие «экскурсии» немцев к месту свалки трупов были почти ежедневно, как

только в город прибывали новые военные части, – приводились слова Павла Ливанского в протоколе допроса. – Когда к маю 1942 года трупы начали разлагаться и распространять невыносимую вонь, немцы для их зарывания выгоняли мирных советских граждан, но так как они разбегались, не вынося запаха и жуткого зрелища, немцы под конвоем пригоняли военнопленных, которые зарывали ров с трупами до конца июля 1942 года. А так как земля оседала, приходилось подсыпать её несколько раз.

Расстреливали с 8 утра до 4 вечера

Фашистские людоеды организовали в разных частях Гомеля четыре гетто, куда силой оружия согнали граждан еврейской национальности: стариков, женщин, детей. О том, как это происходило, рассказал на допросе бывший полицей Василий Адаменко:

- Летом 1942 года в общежитии полицейских по улице Песковатой (ныне Белорусской) мы играли в карты. В разговоре Буздык сказал: «Ты, Адаменко, ещё молодой полицейский и ничего не знаешь. Осенью 1941 года мы всех евреев забрали в город». После этого Буздык, Гулевич и другие начали подробно рассказывать, как они арестовывали и свозили в Монастырёк всех граждан еврейской национальности. «Доброа-то сколько было у нас, - говорил Буздык, - и всё мы поделили между собой. Слободской взял корову и велосипед, нам тоже досталось много "барахла"». А Гулевич сказал: «Я, кроме всякого "барахла", захватил себе велосипед и хорошие сапоги». Увлёкшись разговором, Буздык даже начал показывать, как он избивал палкой одну еврейку, которая была беременной и медленно шла в колонне, сопровождаемой ими в тюрьму. Буздык

выкрикивал: «Она просится. А я её палкой, палкой!» В конце разговора Буздык и Гулевич хвастались, что они всех евреев вывозили за город и расстреливали у большого рва.

По вопросу расстрела заключённых в гетто очевидец Степанов показал:

- Числа 3 или 4 ноября 1941 года лиц, находящихся в лагерях в Монастырьке (ныне Залинейный район) и по Новолюбенской улице немцы насильно загоняли в большие крытые машины по 40 и более человек, отвозили в Лещинец в противотанковый ров, проходящий по территории машинно-тракторной станции, и там производили расстрел. Я видел, как подъезжали ко рву машины, из которых выбрасывали людей и расстреливали. Расстрелы начались в 8 часов утра и были закончены только в 4 часа вечера. Всего было расстреляно в этот день около 2500 человек.

А это значит, что каждые 10 секунд убивали одного человека. 312 человек в час... И так на протяжении восьми часов.

Смертельный Монастырёк

Один из сообщников немецких преступников Потапенко на следствии показал:

- В гетто на Новолюбенской, Быховской улицах и Монастырьке содержалось около четырёх тысяч евреев (все они впоследствии погибли). У каждого на груди и спине были нашиты жёлтые квадраты, и за черту лагеря под угрозой расстрела им выходить запрещалось. За время содержания арестованных в лагерях им никаких продуктов не доставлялось. Целые группы умирали с голоду. Некоторых мужчин использовали на работе по очистке улиц, но относились к ним зверски: их избивали без каких-либо на это причин...

Четвёртое гетто было создано в

Новобелице, но просуществовало оно недолго, и уже в сентябре 1941 года 200 его узников было переведено в Монастырёк.

В Монастырке, обнесённом колючей проволокой, людей держали на морозе под открытым небом, морили голодом, пытавшихся просить или добыть пищу расстреливали, а лиц, передававших еду заключённым, самих отправляли в лагерь.

Над евреями издевались немецкие солдаты, которые устраивали «экскурсии» в гетто для ограбления несчастных людей. Они громили городские квартиры евреев, а их имущество забирали себе.

Помимо евреев, семей коммунистов, людей, заподозренных в связях с партизанами, во время расстрелов были уничтожены целые цыганские таборы.

- Я был очевидцем того, как масса советских граждан была погребена в различных ямах и противотанковых рвах, - вспоминал горожанин Степанов. - Людей раздевали донага, заставляли ложиться на дно ямы и расстреливали из пулемётов и автоматов. Если оставались тяжело раненные, их заживо погребали, засыпая землёй. С наступлением зимы я видел такую яму в окрестностях Новобелицы. Перед моим взором открылась следующая картина. Снег уже почти стаял, но частично прикрывал дно этой ужасной ямы, где из-под него виднелись руки, ноги, спины, размозжённые головы мёртвых мужчин.

С черепами на пилотках

Многих мирных граждан, среди которых были и евреи, по словам местных жителей, уничтожили возле деревни Давыдовка. Гомельчанка Мария Праведная рассказывала:

- Были случаи, когда привозили из тюрьмы на расстрел матерей с маленькими детьми из

еврейского населения. Маленьких детей бросали в ямы прямо живыми и закапывали. Место расстрела гомельчан было в небольшом лесу около деревни Давыдовка, а также в 3-4 километрах от Гомеля по шоссе на Речицу. Здесь людей хоронили в 250-300 метрах справа от дороги. Эти ямы с расстрелянными я хорошо знаю, так как мне приходилось ходить этой дорогой и видеть свежие насыпи земли. Трупы зарывали совсем неглубоко, в связи с чем весной и летом 1943 года был большой запах.

Немецкие офицеры ждали приезда генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича, который прибыл в оккупированный Гомель для оценки ситуации 8 сентября 1941 года.

А вот что вспоминал гомельчанин Иван Нечаев о репрессиях еврейского населения, которыми занималась главным образом Служба безопасности (СД), размещавшаяся на Столярной улице, 57:

- На опушке Давыдовского леса мне пришлось быть очевидцем ужасной сцены. Я ехал на велосипеде. Вдруг навстречу мне пронеслось две легковые автомашины, которые остановились недалеко на опушке леса. Из них вышло несколько вооружённых автоматами и пистолетами немцев, как я определил, сотрудники СД (имели чёрные воротники на военных мундирах, а на пилотках - знаки черепа с перекрещёнными костями. Большинство из них были в чинах офицеров). Затем следовало три грузовых автомашины и ещё одна

легковая. Из грузовых автомашин выпрыгнули полицаи и сотрудники СД из числа советских граждан. Среди них я различил полицейского Власова и сотрудника СД Виктора Шмигера. Предчувствуя что-то недоброе, я слез с велосипеда и пошёл мимо автомашин пешком. Шлигер махнул мне рукой. Я посчитал, что он подзывает меня к себе, и хотел было подойти. Но вдруг увидел дуло наставленного на меня автомата и дикий окрик немца, чтобы я убирался восвояси.

Я сел на велосипед и поехал, но невольно обернулся, услышав душераздирающие вопли женщин и детей, которых выволакивали из первой автомашины. Я увидел женщину лет 40-45, вероятно, её дочь - девушку лет 20 и двух детишек, вероятно, детей этой женщины, и ещё целый ряд людей, которых мне не удалось различить. Они падали, целовали немецкие сапоги и просили о пощаде. Но раздавшиеся вскоре очереди автоматов и винтовочные залпы окончили страдания несчастных. У меня невольно навернулись на глазах слёзы, и подступило к горлу. Старушки, которых я встретил по пути, рассказали, что подобные картины происходят здесь ежедневно. Вскоре меня обогнал караван автомашин, в которых сидели пьяные, довольные собой немецкие палачи и русские полицейские, сделавшие своё кровавое дело.

Из СД евреев увозили на закрытых автомашинах также к противотанковому рву недалеко от деревни Красное. Погибших от рук палачей сбрасывали и в противотанковый ров, и на 9-м километре по шоссе Гомель-Чернигов за Новобелицей и закапывали в районе завода торгового оборудования на нынешней улице Барыкина. Кроме того, часть гомельских евреев погибла в городской тюрьме и, вероятнее всего, в лагере на торфоразработках возле рабочего посёлка Большевик. Поэтому

общее число погибших евреев Гомеля равняется или даже превышает цифру 10 тысяч человек.

Останки погибших граждан обнаружили 19 ноября 1958 года в районе Лещинца.

Кровавые следы

А вот какой впечатляющей историей горожанин Иван Нечаев завершает свои воспоминания о событиях 80-летней давности:

- Летом 1942 года через Гомель немцы погнали на фронт тысячи евреев-иностранцев, которых использовали для разминирования минных полей. Они остановились в домах напротив средней школы № 2 Гомельского отделения Белорусской железной дороги (ныне СШ № 28). Здесь мне лично пришлось наблюдать такую картину: один еврей-иностранец чем-то провинился перед немцами. И этот несчастный был подвешен за руки к потолку дома, где оставался висеть часа два кряду, а немец, который командовал этой сценой, бил его палкой и что-то кричал ему, смеясь от удовольствия. Остальных евреев он заставил смотреть на эту сцену, причём бил и их палкой. Несчастный лишился сознания, его сняли с крючка, облили водой, а когда он пришёл в себя, подвесили снова. Можно угадать, что случилось с каждым из них - они все погибли от подлых немецких убийц. Подтверждением этого может служить факт продажи поношенных костюмов иностранного покроя на рынке в Гомеле.

Немцы отправили иностранных евреев на тот свет, возможно, преследуя лишь одну мысль о наживе и грабеже.

Кровавые следы фашистских псов будут долго напоминать о себе как о бедствии, принесённом в нашу мирную советскую страну кровавыми гадами. Смерть фашистским убийцам! - эмоциональным призывом подытоживает рассказ Иван Кондратьевич.

В кровавых стенах

Многотысячный коллектив рабочих крупнейшего в области паровозагоноремонтного завода (ПВРЗ) был большей частью вместе с оборудованием эвакуирован из Гомеля в тыл страны. Не успевшим покинуть город рабочим пришлось изведать все «прелести» гитлеровского нового порядка.

- Фашисты организовали на заводе ремонтную базу, установили 12-часовой рабочий день, - свидетельствовал Михаил Балюк. - Кормили рабочих один раз в сутки. Обед состоял из тарелки супа, сваренного из разных трав, в котором систематически обнаруживались черви. Хлеб, который выпекался из гречневых высевок и отрубей, выдавали по 100-150 граммов.

Для подавления создавшегося среди трудящихся недовольства фашисты из карательного органа СД (службы безопасности) занялись избиением и арестами рабочих, возмущённых новыми порядками и так называемых подозрительных, к которым мог быть причислен любой человек. Среди таких оказался и рабочий Балюк:

- В марте 1942 года в момент налёта нашей авиации на Гомель я получил осколочное ранение и был помещён в больницу на излечение. В июне 1942 года меня из больницы выписали, но моя нога находилась ещё в гипсе и приходилось передвигаться при помощи двух костылей. Я пришёл

на завод, чтобы получить расчёт. В проходной меня встретил совершенно случайно шеф гомельского ПВРЗ по фамилии Рау. Не говоря ни слова, он набросился на меня и стал избивать, нанося удары кулаками, а затем выбросил меня за дверь.

А вот что рассказывала Буянозская, которая работала на заводе уборщицей:

- Летом 1942 года немцами была загнана группа трудящихся в количестве десяти человек в коридор конторы завода. Закрыв двери комнат, в которых находились служащие, немцы начали избивать рабочих. Крики были слышны по всему зданию. После каждого истязания немецкими палачами рабочих все стены комнат, коридора, конторы ПВРЗ были окровавлены, а на полу стояли целые лужи крови.

- Я лично видел, когда немецкие палачи грузили избитых рабочих, то они были все окровавленные, платье на них было изорвано, некоторые кричали о помощи, а кто-то издавал тихие стоны. Такие случаи я видел пять-шесть раз, - делился Михаил Балюк.

- На грузовой автомашине лежали сильно избитые и окровавленные рабочие, а в легковой сидел один мужчина, про которого говорили, что он предатель, - рассказывала гомельчанка Мария Боровикова.

На расстрел в цепях

Не насытившись одиночными и групповыми арестами и истязаниями рабочих, немецко-фашистские мерзавцы организовали на заводе провокацию, посредством которой арестовали всю ночную смену - 200 человек. С помощью провокатора СД 5 февраля 1943 года была произведена запись желающих оказать помощь партизанам и Красной армии. Желающих нашлось много, записалось около 200 человек. Все они и были 7 февраля 1942 года арестованы

и отправлены в тюрьму, располагавшуюся по улице Советской, 73, где подверглись чудовищным пыткам.

- 10 февраля я была около тюрьмы, справлялась о муже, который состоял в антифашистской группе по оказанию помощи партизанам, - вспоминала Ефросинья Кондратьева. - Стоявший у ворот немец мне грубо крикнул: «Пули не жалко, расстрел будет рабочим ПВРЗ». Около тюрьмы я встретила своего знакомого Александра Зайцева. Он работал в тюремном санпропускнике. Он помог мне увидеть мужа. Через щель в каменной стене своими глазами видела ужасы зверств немцев, чинимых над рабочими ПВРЗ. В предбаннике мылись девять рабочих. Мой муж - Кондратьев, Пивоваров, Бетанов и другие. Трудно было определить и распознать людей, это было что-то напоминающее куски мяса. Я видела на спинах оторванные полосы кожи, всё было залито кровью. Лица рабочих были исколоты как будто иглой и все в царапинах. От боли люди не могли смыть с себя кровь. Рабочий Пивоваров успел мне сказать, что их били плетью из бычьей кожи. Каждому досталось по 70 ударов.

22 февраля 1943 года Ефросинья Кондратьева подошла к тюрьме и увидела, как подъехали пять крытых автомашин и одна открытая пятитонка.

- В ней были рабочие ПВРЗ, все скованные цепями, - описывала детали Ефросинья Тимофеевна.

- Рабочий Бетанов сумел бросить записку, где был указан его адрес и что он погиб. Другие бросали шарфы, шапки, кто-то кричал: «Прощайте, люди, расстрел».

- Мой брат Ковалёв бросил записку, в которой было написано «Ковалёв Иван погиб», - вспоминала гомельчанка Мария Меркулова. - Ещё кто-то бросил мокрый от слёз носовой платок, Поляков бросил шарф, который тоже был мокрый. Сименков кричал

жене: «Прощай, больше не увидимся. Смотри ребёнка». Люди плакали. Стражник у тюрьмы говорил, что за два дня нужно разгрузить тюрьму, а потому всех везут на расстрел.

Жить осталось один час

Когда машины были полностью нагружены, то арестованных со двора тюрьмы вывезли. Легковые машины шли - одна впереди, а другая сзади. На этих машинах сидела охрана с автоматами.

- Вместе с арестованными в грузовых автомашинах также находились с автоматами полицаи и по одному немцу, - делилась увиденным Ефросинья Кондратьева. - Тут же в открытой грузовой машине я увидела среди арестованных своего мужа. Он тоже заметил меня и крикнул: «Везут на расстрел, жить осталось один час». Кроме того, я заметила, как мой муж и другие арестованные пытались поднять руки, чтобы в последний раз отдать приветствие, но их руки выше плеча не поднимались. Из чего можно было заключить, что все арестованные были связаны. Я также видела, как охранявшие немцы и полицаи наносили удары прикладами арестованным, которые делали попытки заговорить с кем-либо или принять передачу от родственников. Разгонявшие толпу граждан возле тюрьмы полицаи стали бить людей прикладами, послышались выстрелы. Всё это зрелище было ужасным и окончилось после того, как автомашины с арестованными скрылись из виду.

Машины от тюрьмы поехали по направлению к деревне Давыдовка. В этот же день родственники рабочих по слухам узнавали, где расстреляли людей.

- На следующий день я, Кондратьева и Полякова недалеко от Лещинца в Назаровском лесу стали искать место, где расстреляны наши

мужья и братья, - рассказывала Мария Меркулова. - Лесник нам указал самую свежую могилу - яму - и сказал, что здесь вчера производились расстрелы. Мы легко смогли открыть яму, потому что всего четверть метра земли было на трупах. Мы увидели много людей, сверху лицом вниз лежал голый мужчина. Больше мы на погибших не смотрели и прикопали отмеченную яму. Раскапывать дальше не могли, побоялись немцев. В лесу было много таких ям. Мы видели 12. Обнаружить было легко, потому что земля осела и образовались впадины, да притом ямы готовились взрывами, потому они были хорошо видны.

Снова родственницы погибших побывали на месте расстрела своих мужей, отцов и братьев уже весной.

- 26 апреля 1944 года я, Кондратьева и Слеменкова подошли к намеченной раньше яме, - вспоминала Мария Меркулова. - Разрыть было легко. Увидели много трупов. Я нашла носок своего брата. Судя по трупам, мы сделали заключение - в яме рабочие ПВРЗ.

Основываясь на свидетельских показаниях очевидцев и раскопках могил, где находились жертвы массовых расстрелов, следственная комиссия установила, что немецкими палачами за период оккупации Гомеля было расстреляно до 300 рабочих ПВРЗ. Кроме того, шеф завода, доктор Мюллер, стал организатором взрыва завода перед отходом немцев из города под натиском частей Красной армии в 1943 году.

«Оздоровительный» лагерь

Своим расследованием преступлений фашистов поделился член правления общества Кирилла Туровского Александр Павловский:

- В 1970 году при возведении здания детского сада по улице Советской, 123А строители вырыли

котлован, благодаря чему из-под земли были извлечены четыре печи.

90 градусов, а носилки достаточно резко выбросило на полтора метра. В силу возраста я тогда не понимал, что передо мной печь крематория, в которой сжигали советских граждан.

Похожую печь использовали в крематории Клинкерного завода

Обнаружил Александр Павловский вместе с одноклассниками и место хранения фашистами маслянистой жидкости «напалмового воздействия» в подвале пристройки к главному зданию клинкерного завода.

- Сейчас на фундаменте этого здания стоит бывшее общежитие Гомельского аэропорта по улице Чонгарской дивизии, дом 6А, - рассказывает Александр Павловский. - Один из старшеклассников вылил жидкость на стену и поджёг.

Горела так, что невозможно было потушить. А мой одноклассник Витя Захаренко обжёг этой жидкостью руку, да так, что хирурги смогли

восстановить только несколько пальцев. Он ими потом всю жизнь электроды держал, работая сварщиком на Электроаппаратуре.

Наличие большого количества жидкости в подвале навела Павловского на мысль о том, что потребность в ней была значительной. Что косвенно говорит о больших масштабах работы по сжиганию трупов.

- Подвал размером примерно четыре на семь метров фашисты перед отступлением залили этой горючей жидкостью, а затем взорвали. Перекрытие обрушилось, и бетонно-кирпичный бой упал в жидкость, потушил смесь или не дал ей загореться.

В таком состоянии подвал дошёл до 1971 года. В самом подвале юный Саша с друзьями нашёл чугунную вывеску концлагеря с изображением орла со свастикой.

- Под всем этим художеством была надпись из узких готических немецких букв, выкрашенных в серебристый цвет. В переводе она значила то ли «трудовой», то ли «исправительно-оздоровительный». Но последняя часть этого длинного слова была «лагерь». А внизу стоял трёхзначный номер, который я не запомнил. Вывеска весила около 30 килограммов и была в длину около 80 сантиметров. Возможно, она до сих пор лежит в подвале дома или рядом с ним, засыпанная землёй, - добавляет собеседник.

Проектный норматив - 24 000 в год

Детские воспоминания спустя много лет побудили Александра Павловского начать своё расследование драматических событий 80-летней давности. Для этого он воспользовался фотоснимками 40-годов прошлого века. Что же касается предыстории трагического места, то

клинкерный завод, где до войны производился кирпич, был построен в начале 30-х годов в ходе первой сталинской пятилетки для возведения Гомсельмаша и Стеклозавода. Его печи и корпуса для сушки кирпича были использованы фашистами для сжигания людей, которых они вывозили из гомельского лагеря военнопленных «Дулаг-121» и не только.

- В мае 1942 года, согласно плану фашистов по массовому уничтожению евреев и военнопленных, для их доставки поездами к месту уничтожения - лагерному крематорию клинкерного завода - немцами была построена железнодорожная ветка длиной около 650 метров. Она протянулась от основной железнодорожной станции «Гомель-Северный» (около СШ № 34). На фотографии июня 1941 года видно, что такой железнодорожной ветки ещё не было, - приводит снимок Александр Павловский. - Понятно, что фашисты построили её не для производства кирпича.

Одновременно шло переоборудование печей обжига кирпича под массовое сжигание советских граждан. Печи оснастили двустворчатыми дверками с механизмами выдвижения металлических носилок для укладывания на них жертв.

- Такое оборудование позволяло сократить время между двумя загрузками трупов. А это значит, что фашисты ставили цель с наибольшей интенсивностью использовать печи, - делает вывод Александр Тимофеевич. - Что косвенно подтверждает тот факт, что печи рассчитывались на максимальное уничтожение людей и имели свой проектный норматив: одна печь для сжигания -24 000 человек в год. А это около 65 человек в сутки. В крематории было четыре печи. После «модернизации» они работали с мая

1942 года по сентябрь-октябрь 1943 года. На фотографии в апреле 1944 года, когда Гомель был уже освобождён, крематорий был без крыши и трубы.

Платформа смерти

Поскольку изначально печи крематория находились ниже уровня поверхности земли, на глубине до полутора метров, то они были засыпаны фашистами при отступлении землёй. В итоге они были обнаружены только в 1970-м году при разработке котлована под строительство детского садика по улице Советской, 123 А.

- Именно здесь - между домом № 10 по улице Чонгарской дивизии и южной стороной садика - и располагался крематорий с газовой камерой. А вдоль нынешнего забора между садиком и жилым домом № 10 сохранился участок монолитного бетонного пояса железнодорожной платформы, на которой выгружали прибывших в железнодорожных составах узников. Она была построена фашистами и имела длину около 80 метров. Платформы на краю имеет бруствер, очевидно для того, чтобы узники не могли спрятаться под вагон и сбежать, - обращает внимание Александр Тимофеевич. - Параллельно платформе на расстоянии полутора метров сохранился цокольный участок кирпичной стены крематория толщиной сантиметров 30, высотой в один-три ряда кладки. Кирпич неглинкерный, швы заполнены известковым раствором. Что говорит о том, что стену возводили в довоенное время, когда не хватало цемента. В то время, как бетонный монолитный пояс верха платформы - ramпы у крематория - выполнен с использованием большого количества цемента и хорошо перемешан с привозным неместным щебнем, - делится наблюдением Александр Павловский. - За 80 лет бетон набрал значительную прочность, и её

количественное значение можно определить специальными приборами, которые имеются в БелГУТе, и, соответственно, подтвердить дату изготовления. Цокольная часть кирпичной кладки имеет следы горения в виде черной плёнки, по анализу которой можно определить наличие биологических остатков в её структуре.

Намеревались скрыть преступления

На фотографиях люфтваффе (ВВС Германии), которые опубликованы в интернете, виден разрушенный в октябре 1943 года клинкерный завод (концлагерь), а также полностью демонтированная железнодорожная ветка. Хотя земляная насыпь под ветку и дом обходчика в районе между улицей Советской и железной дорогой (сейчас там находится баскетбольная площадка СШ № 34) заметна и на снимке в феврале 1944 года. Что косвенно подтверждает намеренное сокрытие следов преступлений фашистами.

- При внимательном рассмотрении снимков виден забор вокруг концлагеря, вышки по углам, глубокий ров, тянущийся вдоль обрыва карьера от нынешней улицы Троллейбусной (там сейчас памятник и могилы погибшим). Этот ров пересекал улицу Чонгарскую и тянулся далее до «Аэродрома», - обозначает границы Александр Павловский. - А в районе построенной фашистами железнодорожной разгрузочной ramпы виден лагерь в лагере.

Это район нынешнего дома №10 по улице Чонгарской дивизии и кирпичного жилого дома, стоящего параллельно рядом, а также дома № 7 - отделения почтовой связи. Внутри заграждённой прямоугольной территории видны новые постройки трёх-четырёх малых бараков, выстроенных в одну линию параллельно железнодорожной ветке.

Там же находится оставшийся заводской «Г»-образный корпус. Можно предположить, что это был корпус смертников, в котором после прибытия по железной дороге узники ждали своей очереди на уничтожение в крематории. А малые корпуса-баракы использовали, вероятнее всего, для сортировки прибывших: раздевания, стрижки, снятия золотых коронок...

Адский конвейер

Сама железнодорожная платформа, судя по фотографиям 1943 года, изначально была длиной около восьмидесяти метров и могла принять около 12 вагонов.

- В каждом вагоне, судя по снимкам времён Великой Отечественной войны, могло поместиться от 100-200 человек. Следовательно, численность направляемых фашистами на уничтожение пленных по железной дороге варьировало от тысячи до двух тысяч человек, - приводит цифры Александр Тимофеевич. - В четырёх печах сжигали 200-250 человек в сутки. Исходя из этого, можно сделать вывод, что эшелоны, чтобы обеспечить бесперебойную работу адского конвейера, прибывали на станцию смерти каждые пять дней. Именно поэтому на фотоснимке отсутствуют здания структуры питания узников - столовая и хранилища продуктов. Время между прибытием и уничтожением было такое, что заключённых кормить просто не требовалось.

На снимках в октябре 1943 года виден свежий песок на отдельных участках «Рва», что говорит о выполнении «земляных работ» глубокой осенью.

- Эти работы были явно не строительные, а скорее всего во рву закапывали трупы убитых, - делает вывод Александр Тимофеевич. -

Советская армия наступала, и фашисты не успевали уничтожить все следы своих преступлений. Гомель освободили в ноябре. Фронт стоял за рекой Сож, и в районе Ветки шли тяжелейшие бои. А в это время фашисты уничтожали следы своих преступлений. Так, на одном снимке видны баракы кирпичного завода в районе улицы Антошкина. Причём трубы, блок сжигания в центре - целые, и кровли бараков в хорошем состоянии.

А на немецком снимке января 1944 года дешифровщик фотографий обвёл кирпичный завод и ещё один (тоже в районе Гомсельмаша) «клинкерный завод-лагерь», вывел указательные линии на карьеры возле них и обозначил все одной буквой «D». Следовательно, на улице Антошкина существовал ещё один лагерь смерти. А фотографирование своей территории фашистами было продиктовано одной целью - инспектирование с воздуха результатов сокрытия лагерей смерти в Гомеле. Интересен ещё один факт - на снимке видно, что полностью сгорели корпуса прибытия смертников, что рядом с крематорием, а другие корпуса остались целыми. Полностью уничтожены были также баракы в кирпичном заводе-концлагере по улице Антошкина.

Но память Александра Павловского сохранила следы преступлений фашистов:

- В местах недалеко от карьера в районе улицы Чонгарской дивизии не 200 и не 300, а как минимум 5, а то и 20 тысяч человек лежит. Когда в моем детстве его откопали, то я там такое увидел! Вы не поверите! Кроме того, там, по слухам, захоронили и какое-то количество красноармейцев, которые погибли при освобождении Гомеля в 1943 году.

И мне очень хотелось бы, чтобы на территории, где осуществлялось массовое уничтожение граждан, была установлена каплица. Чтобы можно

было помолиться за души невинно убиенных людей.

Комментарий научного сотрудника отдела археологии и охраны историко-культурного наследия музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля Юрия ПАНКОВА:

- Сохранение и открытие новых сведений о трагических событиях нацистской оккупации Гомеля в Год исторической памяти актуально как никогда. Материал Александра Тимофеевича Павловского интересен и дает возможность подискутировать.

О находках 1970 года по улице Советской, 123А (на месте, где когда-то стоял клинкерный завод) мне приходилось слышать не один раз, но какой-либо точной информации, к сожалению, не встречал. Был ли на самом деле там крематорий, на мой взгляд, сложно сказать. По крайней мере, для историка сведений недостаточно. Однако теоретически эту версию я бы сразу не отвергал, но и согласиться с ней на данный момент сложно.

О том, что в годы оккупации нацисты сжигали трупы советских военнопленных в специально оборудованных местах, известно из Актов Чрезвычайной Государственной комиссии. В своих показаниях свидетели указывали, что крематории были устроены прямо за лагерем на пустыре. «ДУЛАГ» находился примерно в трех километрах от клинкерного завода, поэтому отождествлять версию Александра Тимофеевича со свидетельствами из Актов нельзя. Еще об одном факте не в пользу крематория говорит оккупационный план Гомеля 1943 года, на котором указано, что на месте клинкерного завода немцы устроили «Ziegelei» - кирпичный завод, то есть использовали территорию по прямому

назначению. Этой же версии придерживались и гомельские подпольщики, отправившие свои сведения в Белорусский штаб партизанского движения. Возникает логичный вопрос, как автор смог определить, что в обнаруженных в 1970 году печах сжигались именно трупы, а не обжигались кирпичи? Или как можно определить, что жидкость обязательно использовалась для сжигания трупов, а не для разжигания огня? Примечательно, что вышеупомянутые гомельские патриоты обозначили рядом с клинкерным заводом склад горючего.

В любом случае, было бы интересно больше исследовать это место. Упомянутая чугунная вывеска стала бы значимым пополнением музейного фонда города, а локализованную Александром Тимофеевичем новую железнодорожную ветку, построенную оккупантами, можно назвать краеведческим открытием.

ТЕКСТ:

Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ